

ИЗ РАЗГОВОРА

СТИХИ

Андрей ПОЛОНСКИЙ

Поэт, рассказчик, эссеист.

Родился в 1958 году в Москве.

Опубликовал более тысячи текстов в различных периодических изданиях в России и за рубежом.

Девять книг стихов, четыре — не стихов. Несколько работ по русской истории. Победитель слэма и финалист Григорьевской поэтической премии (2019). Жил в Москве и в Ялте. С 2014 года живёт в Санкт-Петербурге. Состоит в 9-й секции Союза писателей Санкт-Петербурга и Русском ПЕН-центре.

ИЗ РАЗГОВОРА

(стихи октября 2024 — февраля 2025 года)

На юге человек выходит из тьмы покурить,
Прикрывает огонь, чтоб противник огня не приметил.
Слушай, надо поговорить.
Но не слышно, ветер.

Это может быть младший брат или старший сын,
Черты лица в темноте неуловимо знакомы.
Если бы не ветер, я б его расспросил,
Долго прощения просил
За то, что он там, а я дома.

Он бы ответил: даже не знаю, кто виноват,
У вас, значит, случилась любовь, а укрепы — наши.
Только нет никакого пути назад,
Надо расхлёбывать эту кашу.

Ладно, что говорить. Я уже докурил.
Кружку чаю — и спать. Ну и ты давай понемногу
Засыпай, не вглядывайся в окно.
Меня там нет. Объясняться нет сил.
Чересчур далека дорога.

Хорошо, что Бог
Примет нас всё равно.

Как называется то или попросту нечто,
Что возникает за Марсовым полем, за речью
О правилах чести, о неизбежности схватки?
Что ещё, кроме отчаяния и лихорадки,
Мы предложить можем времени? Частности быта,
Сны и свидетельства помнящих и недобитых.

Как так случилось, что минули десятилетия,
Всё было мелким, понятным, потребным до стона,
Но обнаружилось, что остаются на свете
Плети бессмертия и войсковые знамёна.

Аз, ни на что не надеясь, сквозь сумерки двигаюсь к дому,
Дойду? Не уверен. Зато есть дорожная карта.
Октябрь на исходе. Зима впереди по-любому.
Но встречу уместно назначить на первое марта.

В оный час
Из сумерек выйдет Селена,
Надо будет вспомнить Катха-упанишаду,
Сказать: я есть ты.
Но разве ты — это я?

Я слишком привязан
К долгому предзимью,
К тёмным — на золотом — ликам,
Заунывным, медленным песням
И другим песням, ухарским и бунтарским.

Нет, я — не ты,
Хотя так было бы гораздо проще.

Адские зенки раскрой и смотри,
Что происходит с тобою внутри,
Райские очи вовне распахни,
Где наши лучшие дни?

Жест, подоконник, обмолвка, постель,
Ласточка духа и дней канитель,
Невыносимо другая страна,
Мирные времена.

В какой-то степени жизнь прошла.
Разговоры, сплетни ли? Пустые дела,
Впереди — о-ля-ля — только в землю сырую лечь,
Не в постель со спины красотки — о том и речь.
Воин я так себе. Эпоха тоже так себе для меня.
В сущности, я хотел совсем другого огня,
Немного другого отчаяния, совершенно иную осень,
Но кто тебя спросит.
Поэтому не прошу, не надеюсь, подарков не жду,
Возможно, всё это разрешится в следующем году,
Но точно не к моему удовольствию, при любом раскладе,
Простите меня, бога ради.
Я любил Афродиту, весёлую и площадную,
Она мне сказала: иди ты! — и я пошёл,
Оказалось, всех нас ждала война, а не новый дискурс,
Не текущий курс, не последний обол.
Индусы называют подобные вещи — Рита,
Вдох-выдох-вдох, и, если выжил — живи,
Только часть Махабхараты — Бхагавад-гита,
Всякое сказание — о любви.

У вдумчивого советского человека был свой контрреволюционер,
С шести до восьми его надо было расстрелять за сараями,
К утру контрреволюционер возвращался, всё начиналось заново.

Потом нравы смягчились, контрреволюционера достаточно было
просто побить,
Сломать пару рёбер, высадить зубы, рассечь бровь.
Возвращались теперь друг за другом. Контрреволюционер скулил:
«За что меня так?»

Постепенно контрреволюционер осмелел,
научился давать сдачи,
Теперь тот, кто победил, шёл домой первым,
Ужинал, спал с женой.

В конце эпохи достаточно было просто выйти
поговорить,
Иногда переходили на ор, иногда — на шёпот,
Возвращались в обнимку, садились за стол вме-
сте. Любовь стала тройной.

Потом Советский Союз рухнул, контрреволю-
ционер умер.
В одиночестве человек загрустил, принялся
пить горькую или зарабатывать деньги.
Контрреволюционер ему снился.

Американцы ничего не знали об этой исто-
рии. Потому и просчитались.
Думали — всё. Победили.
Вышло несколько по-другому.

Мир долгов, но непостоянен,
Коварен, хоть и недалёк,
Переморочит, и обманет,
И успокоит: с нами Бог!

Гнут повседневные заботы,
За ними — смерть и тишина,
Но с неизменным «За кого ты?»
Приходит старая война.

Открытые пылают даты
Над одиночеством и тьмой,
И в каждой армии солдаты
Хотят домой.

О чём я думаю порою?
О том, что страх, о том, что срок,
Что книг любимые герои
Ушли толпою на Восток,
И все постельные печали,
И все постельные тона
Так обаятельно слиняли,

Как только началась война.
Любовь пришлось примерить снова,
По шву былое разошлось —
На стих Иоанна Богослова
Ложится русское «авось».

Рождественское

Маленький, трогательный, удивительно уязвимый,
Враг мог его растоптать, расчленить родителей, хлев поджечь.
Но именно с этого дня начинается гибель Первого Рима,
Из огня и дыма
Возникают иная власть и другая речь.

Обычно говорят о волхвах, мастерах и магах Востока,
Об их великих дарах,
Дороже которых нет,
Но, вспоминая, что жизнь
Была и будет жестока,
Мы можем отныне знать,
Что есть надежда и свет.

«Вот и вечер», — промолвит Иосиф.
«Его вечер, — улыбнётся Мария. —
Снег за окном, взгляни.
Русский январский снег».
«Странно, — ответит Иосиф. — Неужели это Россия?»
А как ещё сможет укрыться
Наш маленький человек?

Ты ищешь правды, а находишь предательскую тошноту,
смешное создание из воды и мяса,
гнили и слизи, кишок и требухи,
нервных импульсов и теперь уже — компьютерных сетей.
В городе идёт дождь, вспоминается роман Маркеса,
парижская зима — как же опять далёк этот Париж,
да и не так привлекателен, как раньше, честное слово.

Пушкин не увидел запредельных земель, Набоков прожил там всю жизнь,
у тебя, как обычно, срединный путь, дорогой обыватель про-
странства и времени,
сна и бессонницы, бесконечных забот и трудных решений.
Можно сказать, что тебя тошнит не от поиска правды —
просто от долгих праздников, постоянных недомолвок, необяза-
тельных собеседников.
А с обязательными как договоришься о встрече? Иных уж нет.
Лучше всё-таки мороз, чем такой трёхдневный дождь.
Вы ждали слов «юг» и «война», но их не будет в этом тексте,
это форма аскетизма, чтоб никто не подумал, что я обращаюсь
к повестке,
использую повестку в частных целях.
И ты так подумал? Скажи честно.
Зря, ей-богу.
Закурю-ка я, пожалуй.
«Nausée», — как бы сказал Сартр.
Теперь и он писатель из недружественной литературы.

Ну вот и ночь. Очередная.
Я ничего теперь не знаю,
Приснилась трасса на Восток.
Развилка около Тайшета,
Частушки, пиво, сигареты,
В заежке утешенья нету,
Зато еда и кипяток.
Забывтой юности постскриптум —
Объятья бледнолицых лун.
Из самосвала вестник крикнет:
Тебе направо, на Тулун.
А я всегда хотел налево,
Туда, где Братск и Усть-Илим.
Чтобы не думалось, холера,
За Первый Рим, за Третий Рим.

Тёмное стихотворение

Есть люди, у которых нет тоски,
Есть ангелы, которым нет покоя.
День просидишь на берегу реки
И чёрный серп увидишь за рекою.
Где косят смертных — делают вино,
Пекут лепёшки из любви и страха,
Там освещает путь через Оно
На косаре горящая рубаха.

Так не спеши, пока течёт река
И отражает облака над нами,
Мы будем ждать. А тех, кто без греха,
Оставим. Пусть кидаются камнями.
Нас чёрный серп давно по жизни вёл,
Но мы его не видели в начале,
Пока дорогу не склевал орёл
И волк не захлебнулся от печали.
Когда взойдёт кромешная заря,
Заставив нас подняться для атаки?
Осмелишься — спроси у косаря,
Как он расставил времена и знаки.

На смерть ДТ

По каким ступеням душа поднимается к небу,
Я бы сразу сказал, да не умею попросту, с ходу.
Надо отстоять требу —
Остающиеся нам годы.

Сейчас, когда много внезапной смерти,
Люди к ней почти привыкают.
Живущий — заповедал Нил Сорский — пыль, пепел, персть,
Так было веками.

Ветер над рекой. Мороз, солнце и ветер.
Не замерзает река. Быстрое у неё течение.
Изо всех обстоятельств, сопровождающих нас на свете,
Сущее — только время.

Пьёшь свою водку, запиваешь яблочным соком.
Зря, что ли, яблоки предки брали в раю?
Над любым обозначенным с предельной жестокостью сроком
Торжествует обыденное «я люблю».

В брошенной деревне
Только бесы рыщут,
Сочини напевное
Да на пепелище.

Тема эта древняя,
Русская, сквозная,
Сочини напевное.
А о чём? Не знаю.

Снег, дорога дальняя,
Бабы у колодца.
Сочини печальное,
Может, обойдётся.

Вера и ветер. Вера и ветер. Вера и ветер.
Брат, будешь третьим?
Или нет?
Останешься там, где теряется свет,
Между тем и этим.
В долгих сумерках след
Почти не заметен.
Солоноватый дождь всему господин.
Оглядываешься? Наследил.
Значит, выйдешь один.
Как он тебя наградил,
Тот, кого ты там встретил?